

Мартин Берг лежал на полу в гостиной, скрестив руки на животе. Окружённый кипами бумаги. У головы полуготовый роман, в ногах — образовавшиеся за четверть века горы заметок на салфетках. Локоть правой руки упирается в антологию многообещающих авторов поколения шестидесятых — единственная книга, в которой его напечатали. У левого локтя несколько небольших перевязанных шнурками стопок, на каждой красной ручкой нацарапано «ПАРИЖ». Вокруг — страницы, исписанные пером и шариковой ручкой, набранные на пишущей машинке, с карандашными пометками на полях, распечатанные на компьютере с двойным интервалом, покрытые пятнами кофе, смятые, матовые и глянцевые, сложенные пополам, соединённые скрепками и разрозненные. Незаконченные рассказы, эссе, синопсисы романов, наброски пьес, записные книжки в обложках, истёртых от долгой жизни в карманах пиджаков, и множество писем.

Ему пришлось сдвинуть журнальный столик, чтобы освободить место.

Лето, вечер, год его пятидесятилетия. В городе жара. Из распахнутых окон летят крики детей, велосипедные звонки, незнакомая мелодия и скрежет трамвая, сворачивающего на Карл-Юхансгатан. В парке напротив загорают люди, неподвижные, как осевшие на мелководье белые тюлени. Мартину захотелось вдруг крикнуть им что-нибудь в окно, но все звуки как будто застряли в гортани. По телу мурашки, в животе засасывающая воронка, потные руки дрожат.

Он на перепутье, история меняет маршрут. Лишнее время между двумя важными событиями. То, что нужно перепрыгнуть, чтобы текст не забуксовал. Сделать ничего нельзя — только ждать. Возвращения детей. Похорон. Решения. Внезапное жела-

ние взять красную ручку и всё перечеркнуть. К чертям собачьим. Редактор Раймонда Карвера убил огромные куски в «О чём мы говорим, когда говорим о любви», выбросил большинство концовок — счастливых, — и в итоге получилось прекрасно.

Может, стоит попробовать стать нормальным. Встретить кого-нибудь, не забывать о еде, ходить на работу всего на несколько часов. Он всё ещё издатель, а издателю Мартину Бергу всегда найдётся чем заняться. Но вместо этого Мартин Берг собирает бумаги. Он много времени провёл на чердаке, заваленном под завязку: зимние детские куртки, велосипед без цепи, старый скейтборд Элиса, выпускное платье Ракели в прозаическом чехле из пластика, рюкзаки, палатка, афиши, которые приходилось разворачивать, чтобы понять, почему их сохранили. И старые шиповки Сесилии. Скольким пар обуви она износила и почему не выбросила эти? Мартин перебирал старые вещи, по спине и ногам стекал пот, потому что под крышей было настоящее пекло. Но в конце концов он нашёл коробку, на которой его собственным почерком было выведено «Мартин, пиши».

Он потерял счёт времени, пытаясь распутать нить, уводящую его нынешнего к некоей точке отсчёта. В какой-то момент он должен был оказаться у развилки, но он так долго просто шёл куда глаза глядят, вообще не думая о направлении. Когда это изменилось? Потому что это точно уже изменилось. Дети совершеннолетние, оба. И впервые за несколько десятилетий он ни за кого не отвечает.

Элис, маленький Элис, он сейчас путешествует по Европе... слава богу, вместе с сестрой... наверное, потом сразу уедет из дома. Он уже посматривает за горизонт, и рано или поздно Мартин увидит, как сын собирает свои жилетки и отправляется в коммуну на Хисингене¹, где, полуприкрыв глаза, будет слушать Жака Бреля и спокойно курить. Вот тогда-то пустота и наступит. И это будет конец.

Чисто рационально, размышляя Мартин, лёжа на ковре и подзревая, что в сложившихся обстоятельствах только рациональность ему и остаётся, — чисто рационально он понимал, что происходящее есть часть процесса. Дети вырастают, это житейская неизбежность, одна из многих. Тридцать лет назад он и сам по-

¹ Остров в проливе Каттегат, район Гётеборга. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

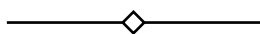
ступил так же, и причёска при этом у него была ещё хуже. Всё верно. Он просто не готов к тому, что это случится так быстро. И не до конца представляет последствий — опустошённости и одиночества, расползающегося по комнатам и заполняющего всё вокруг; себя — сидящего, с тонкими ногами и слабеющим слухом; он не думал, что годы просто будут исчезать, ничего не оставляя взамен.

И что однажды всё закончится. *И останется грудa бумаги.*

Мартин закрыл глаза и представил Густава Беккера — хотя он и не должен был думать о нём так часто. Но всё же он снова воочию увидел, как Густав смеётся, как тонкими пальцами берёт сигарету и не сводит с тебя взгляда, даже если ты уже смотришь в сторону.

Мартин посмотрел направо (листы бумаги), налево (листы бумаги) — вверх, на потолок. Белый, девственный, неисписанный!

ЧАСТЬ 1

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1

К жизни его вернул будильник. Март, на улице в это время ещё не видно ни зги.

Привстав, Мартин зажёл ночник и отключил звук. На экране мобильного загорелся значок эсэмэс, сообщение отправил сын в 03:51. «Скоро буду. P. S. Никаких нежностей».

Мартин вздохнул. Элис отмечал приближающийся день рождения в джаз-клубе, который, видимо, больше не был пристанищем для любителей невинных танцев, и, возвращаясь из кабака домой, сын, вероятно, счёл необходимым напомнить, что никаких поздравлений слышать не хочет.

По пути в ванную Мартин постучался к Элису, но получил в ответ лишь приглушённое ворчание.

— С днём рождения! — произнёс Мартин.

Он включил кофеварку. Принёс из прихожей лежавшие на полу газеты. Поджарил хлеб и сварил яйцо. Он ещё не добрался до раздела культуры, когда на кухне появился его младший. Прошёл напрямик к раковине, налил воды и залпом выпил.

За последнее время Элис очень вырос, узкое лицо и светлые кудри всё сильнее подчёркивали сходство с матерью. Вкладом Мартина в генетический код Элиса стали карие глаза и, как утверждал Густав, склонность обижаться, делая при этом вид, что ничуть не обижен.

— Весело вчера было?

Элис кивнул и выпил ещё один стакан воды.

— Подарки хочешь сейчас или потом?

Сын немного подумал, а потом его грудь забила от подступающей рвоты.

— Потом, — сдавленно проговорил он и бросился к туалету.

* * *

Мартин выпил остатки кофе и пошёл одеваться. Отражения в зеркале гардеробной он избегал. Он хорошо представлял, как выглядит. Волосы на груди начали сесть. Толстые икры, узловатые колени. Тренировки три раза в неделю в самом дорогом спортклубе Гётеборга не помогали. Это были лишь тщетные попытки отодвинуть неизбежное. Тело его предало: притворялось, что всё как обычно, но на самом деле уже отдало себя на волю старости. Шаг за шагом она подступала всё ближе, пока его увлекало другое. Раньше не было ничего неестественного в том, чтобы ежедневно после обеда пребывать в опьянении разной степени тяжести, курить сигарету за сигаретой, а проснувшись утром, обнаружить, что скоро начнётся Гётеборгский полумарафон, куда ты шутики ради даже записался, найти кроссовки и пробегать два часа. Он был уверен, что именно так и работает организм, и это притупляло бдительность. И вдруг ты начинаешь убывать, по чуть-чуть, и сначала этого даже не замечаешь.

Чёрные брюки, чёрный пиджак. Мартин Берг всегда одевался так, словно шёл за отпущением грехов.

* * *

Как обычно, первым делом он отправился в издательство.

Мартин любил смотреть, как под мерцание ламп пробуждался и разворачивался новый день.

В центре его монитора висел стикер: «ПОМЕЩЕНИЕ ЮБИЛЕЙ 25 — ЗАЛ “ФРИЛАГРЕТ” ОК???» Округлый красивый почерк практикантки Патрисии. Он вспомнил, что не ответил на один мейл и переместил стикер на край экрана, где уже висело множество напоминаний о том, чем он собирался заняться, когда подойдёт срок или возникнет острая необходимость. Похоже, сколько бы он ни работал, количество дел, которые надо выполнить *сейчас*, величина постоянная. Но двадцатипятилетний юбилей наступит не раньше июня.

Поглаживая лоб кончиками пальцев, Мартин слушал, как урчит жёсткий диск загружающегося компьютера. У Элиса сегодня экзамен по французскому. Видимо, он подготовился, когда стоял в очереди желающих попасть в джаз-клуб.

Оценки сына нельзя было назвать ни блестящими, ни реально плохими — именно это и огорчало. Будь они действительно

низкими, этого нельзя было бы отрицать. Но они не поднимались выше меридиана посредственности, потому что в какой-то момент Элис всегда уставал. Он откладывал ручку и начинал смотреть в окно, вместо того чтобы лишний раз перепроверить ответы. Когда от него требовалось поднапрячься ещё немного, он вздыхал с мученическим выражением лица — словно его попросили достать Луну или приручить белого медведя — и отвечал: да, хорошо, я всё сделаю *потом*. И Мартин автоматически повышал голос, говорил о рынке труда и высшем образовании, и о том, что бог его знает, что теперь будет, особенно учитывая, что Бьёрклунду позволяют все его глупости. Необходимости объяснять подобное Ракели не возникало никогда. Она всегда получала самые высокие оценки по всем предметам.

Входная дверь снова хлопнула, и раздалась быстрые шаги.

— Утро доброе! — громко объявил Пер в своей обычной манере — как будто именно это он и имел в виду. Мартину пришлось изобразить некое подобие энтузиазма, когда через несколько минут его партнёр появился в комнате с двумя чашками кофе. Пер Андрен, в пиджаке оттенка «бычья кровь» и светло-розовой рубашке, безнадёжный жаворонок.

— Друг мой, почему ты так мрачен? Ты только посмотри, что мы получили вчера! — произнёс он, протягивая книгу. — Ну разве она не прекрасна?!

Не так давно они вдруг решили переиздать дневники Людвиг Витгенштейна. Последний тираж ещё не был распродан, но к концу года в другом издательстве готовилась подробная биография Витгенштейна на шведском, которая, судя по всему, должна вызвать всплеск интереса к австрийскому философу. Для нового вступительного слова они привлекли эксперта по истории идей из Университета Сёдертёрна.

— Она восхитительна, — согласился Мартин. В твёрдом переплёте, тяжёлая, красивая, с шёлковым ляссе и широкими полями. Он открыл книгу, погладил желтоватую, без грамма древесной массы бумагу, но не прочёл ни строчки. Последнюю правку перед запуском в печать он тоже не просматривал.

Пер просто сиял:

— Амир отлично поработал со старым вариантом. Ты должен ему сказать.

— Подозреваю, что ты уже это сделал.

— Он хотел бы услышать это от тебя.

— Думаешь? — рассмеялся Мартин.

— Молодых больше всего интересует твоё мнение. И, кстати, влей уже в себя этот кофе, чтобы проснуться до того, как подтянутся все остальные.

Лет тридцать назад Мартин наверняка бы очень встревожился, узнай он, что именно Пер Андрен станет тем, с кем он будет общаться больше всего во взрослой жизни. Познакомились они ещё в нежной юности, оказавшись самыми неумелыми членами одной рок-группы. Мартин отчаянно рвался в гитаристы, и это его упорство долгое время успешно камуфлировало недостаточную музыкальность. Пер был менее уверен в себе. Скрючившись над бас-гитарой так, что видна была только его безнадежно непанковская шевелюра, он потел и старался изо всех сил, изредка обращая к приятелям круглое лицо, на котором застывало выражение полной растерянности. Кожа на пальцах правой руки у него так и не загрубела, он всё время мучился от волдырей. Но он по нескольку раз перечитывал каждый номер «Крис», следил за шведскими книжными новинками, и к тому же происходил из семьи предпринимателей в третьем поколении. Издательство, естественно, было его идеей. Без него Мартин, возможно, вообще бы до этого не додумался.

Пер с женой постоянно приглашали Мартина домой на ужин, причём в последние годы всё чаще и чаще. Всякий раз предполагался неформальный вечер, экспромт — не заглянешь на огонёк в субботу? На деле же «огонёк» превращался в трепещущее пламя свечей, три блюда, компанию из нескольких человек и более или менее интеллектуальные разговоры под портвейн двадцатипятилетней выдержки, купленный на маленькой винодельне в Порто, куда прошлым летом супруги Андрен свозили своих на редкость сговорчивых детей. Мартин давно заметил, что они исправно приглашают какую-нибудь одинокую даму социально приемлемого возраста. Хотя он предпочитал говорить *свободную*. Слово *одинокая* звучало слишком жалко и отдавало неловкой попыткой скрыть отчаяние. Но семейное положение легко читалось между строк: «Обычно мы с бывшим мужем...», «...а когда мы с моим бывшим жили в Брэннэ...».

Сам он всегда называл Сесилию Сесилией. А как иначе? А Пер всегда бросал на него печальный взгляд с другого конца стола.

Пришли остальные сотрудники. Сначала практикантка Патрисия, которая ежедневно протирала пыль с монитора, да и во-

обще содержала свой письменный стол в таком порядке, что закрадывались подозрения, будто ей нечего делать. Но она отлично справлялась с набором текста и корректурой, замечала все огрехи вёрстки и пунктуационные ошибки, а решение любой житейской проблемы начинала с составления документа в экселе. Мартин разгадал её только тогда, когда девушка призналась, что первым сильным читательским впечатлением для неё стал «Грозовой перевал». Она, конечно, не Кэти и никогда не выберет никого похожего на Хитклиффа, подумал Мартин. Но в этом стремящемся всё упорядочить существе есть нечто, жаждущее надлома, безумия — всего того, чем пропитан роман Бронте.

Потом примчалась Санна. Она работала редактором ещё с тех времён, когда они сидели в здании фабрики, где стояли стационарные телефоны и разрешалось курить в помещении. Санна крикнула «привет» всем и каждому, швырнула на стул коврик для йоги, переобулась в тапочки и, насыпав в тарелку хлопья, принялась поглощать их над кухонной столешницей.

Когда Мартин подошёл, чтобы налить себе кофе, Санна, закрыв ногой дверцу посудомоечной машины, сообщила:

— Я прочла рукопись Карин, она *очень* большая.

— Я говорил ей, что нужно немного сократить.

— Да какое «немного»? Думаю, там надо урезать процентов на двадцать пять! Она обидится?

Мартин задумался:

— Да, риск есть. Потом посмотрим.

Санна вздохнула, выбрала самую большую чашку и налила себе кофе.

Вернувшись к себе в кабинет, Мартин занялся поисками первого издания дневников Витгенштейна. Издательство «Берг & Андрен» выпускало около двадцати наименований в год, и на полках уже не хватало места. Балансируя на мягком кресле, он нашёл книгу на самом верху — пыльную, немного выгоревшую, но в остальном на удивление хорошо сохранившуюся, хотя они и издали её ещё в 1988-м с минимальным бюджетом. Клеёный корешок, дешёвая бумага и тем не менее благородная эlegantность. Обложка глубокого каштанового цвета, название и автор чёрными буквами. На обложке значилось, что перевод выполнен аспиранткой кафедры истории идей и методологии науки Гётеборгского университета Сесилией Берг (род. 1963). В новом издании будет просто: *Перевод Сесилии Берг*.

— Амир! — громко окликнул Мартин, увидев, что молодой человек направляется на кухню. Амир резко остановился. Рубашка застёгнута на все пуговицы, а волосы торчат в разные стороны. Если Мартин правильно расшифровал личность их менеджера по производству, то тот явился на работу, не успев толком проснуться.

— Отлично сработано с Витгенштейном!

Плечи Амира распрямились, лицо озарилось улыбкой.

— Вы так считаете?

Немного старше его дочери, ближе к тридцати, чем к двадцати пяти. Начал карьеру как стажёр, в первый же день откровенно ужаснулся, зайдя на их сайт: «Когда вы в последний раз обновлялись? Вы шутите?» И решил вопрос в своей привычной манере: надел наушники, не пропускавшие ни звука, уставился в монитор и начал безостановочно стучать по клавиатуре. Когда практика закончилась, Пер был уверен, что без Амира ничего больше работать не сможет, поэтому его приняли в штат и купили дико дорогой компьютер.

Мартин кивнул. Амир поблагодарил его и продолжил путь.

День прошёл как обычно: горы писем, телефонные звонки, кофе, совещания и решение рабочих вопросов. После обеда он назначил встречу с одной писательницей, чтобы обсудить её недописанный роман. Дебютная книга получила хорошие рецензии и удостоилась премии, но теперь автора бросало из одной крайности в другую, парализовывала необходимость продолжения. Мартин собирался сказать ей, что всё это не *так* важно — первая книга продаётся хорошо, на складе есть ещё несколько коробок покетов, — хотя эти слова вполне могли вызвать и противоположную реакцию. Мартин по собственному опыту знал, что воспитательная стратегия, чередующая доброту и строгость, эффективна и для детей, и для творческих личностей, но нужные слова важно говорить в нужное время. Лиза Экман, не сняв куртки, сидела на самом краю дивана и, рассказывая о своём новом проекте, непрерывно копалась в коробочке со снюсом.

— В общем, речь о девушке, которая поступает в народную школу, — начала она, глядя на огромную картину с видом Парижа, написанную Густавом. — Она как бы попадает туда неожиданно для себя самой и там знакомится с парнем и девушкой. Получается очень трагический любовный треугольник, но я не знаю, как это всё закончить. То есть у меня несколько идей. Думаю, к лету я всё допишу.

— Это очень интересно, — доброжелательно произнёс Мартин. — Присылайте, когда текст будет более или менее готов, и мы всё обсудим.

Потом он ходил взад-вперёд по кабинету Пера, обсуждая книгу об арт-рынке восьмидесятых. Они собирались дать на обложке «Умирающего денди» Дарделя, но в «Натюр & Культур» должна выйти биография художника, где эта картина тоже будет на обложке. Пер предпочёл бы какую-то из работ Густава, ведь его прорыв тоже так или иначе связан с этим пузырьком на рынке искусства. Сама по себе идея звучала неплохо. Но Густаву могло не понравиться то, что его ставят рядом с «рынком», о чём он, разумеется, поначалу не скажет. Он согласится, потому что его попросит Мартин. А потом расстроится и больше не сможет молчать. Его придётся хватать за плечи, трясти и говорить, что это всего лишь чёртова книга, и если он не хотел помещать на обложке свою картину, он, чёрт возьми, должен был сказать!

— Но с тем же успехом он может разозлиться, если мы ему *не* предложим, — вздохнул Мартин. — Ладно, ещё вернёмся к этому. Мне нужно в Салухаллен¹. У Элиса день рождения, и он захотел котлеты из ягнёнка.

— А разве он не стал вегетарианцем? — спросил Пер.

— Видимо, ягнятина идёт у него отдельной статьёй.

На улице ещё не стемнело. Мартин не мог припомнить, когда в последний раз уходил с работы при свете дня.

Собирая вещи, он посмотрел на стопку книг, которые привёз с Лондонской ярмарки. Английские и французские он посмотрит сам, но тот немецкий роман нужно кому-нибудь показать. Он подумал о дочери. Возможно, Ракель найдёт время прочесть.

Книга лежала на самом верху стопки. *Ein Jahr der Liebe* — несмотря на скудные познания в немецком, дешифровать слова ему удалось: «Год любви». Так себе название. Но с немецким издателем Ульрикой Аккерманн он знаком много лет, а она с несвойственной ей настойчивостью повторяла, что это «очень хороший роман, который наверняка вам подойдёт». Осталось в этом убедиться. Меньше двухсот страниц. За две-три недели Ракель должна справиться.

Не понимая ни слова, Мартин пробежал глазами несколько строк, и в ушах у него зазвучал голос Сесилии.

¹ Салухаллен — известный рынок в Гётеборге.

Гул в Салухаллене поднимался до сводчатого потолка. Расстёгнутые пальто и куртки, снятые шарфы, перчатки, зажатые в руке во время разговора с продавцом через прилавок. Мартин ждал, пока ему нарубят мясо, когда краем глаза заметил женщину. Тот же рост, стрижка паж, волнистые волосы. Мгновение — и он чуть не рванул за ней следом. *Это же...*

Нет, велел себе Мартин. Этого не может быть. Он слегка потряс ногами поочерёдно, будто возвращая себе способность ими управлять. Сейчас она повернётся, и всякое сходство исчезнет. Смотри же, она оглядывается...

Разумеется, он видел это лицо впервые. Острый взгляд и чёткие линии ложбинки между носом и верхней губой. Замшевые перчатки цвета морской волны, сумка на сгибе локтя, сейчас она придёт домой к семье, в Аским или Билльдаль, усядется с бокалом вина, раздражаясь на мужа, который будет суетиться на кухне и вечно чем-то стучать, хлопать, и неважно, что она много раз объясняла ему, что её уши этого не выдерживают и что ей попросту больно... а потом она спросит у детей, как в школе, и не услышит ни слова из того, что те скажут в ответ.

Они встретились взглядами, и он тут же посмотрел в сторону, как будто просто изучал помещение, задержавшись пару секунд на ней. Взял свою ягнятину и поспешил к выходу.

Солнце спустилось. Мартин стоял в потоке света, щурясь, пока пульс снова не стал ровным. Он пойдёт домой пешком. Обычно это помогает.

Каналы покрывал толстый слой льда, по улицам гулял пронизывающий ветер. На перекрёстках и в парках лежали кучи грязного снега. Деревья расчерчивали бледно-голубое небо голыми ветками. Мартин прошёл мимо «Хагабадет¹», где регулярно занимался, строго соблюдая все выставленные на тренажёрах программы. Каждый раз, открывая дверь, он вспоминал, как выглядело это построенное в девятнадцатом веке здание до того, как здесь устроили спа и спортзал, и думал, что прикасается к талисману. Когда-то здесь располагалась одна сомнительная контора, занимавшаяся грамзаписью, попасть к ним можно было только

¹ «Хагабадет» — спортивный клуб и спа-центр в Гётеборге, бывшие общественные бани.

окольными путями через задний двор, его тогда потащил с собой Густав, который хотел занять денег у какого-то знакомого. Ради приличия им пришлось там немного задержаться, одобрительно покивать, прослушав диск с какой-то резкой электронной музыкой, и выпить вермут из пластиковых стаканчиков. Бассейны в банях тогда были пустые, в них иногда устраивали импровизированные спектакли, и эхо гоняло звуки между облицованными кафелем стенами.

Сейчас дворы «Хаги» запираются и их регулярно убирают. По брусчатке фланируют дети в полосатых свитерах, воскресные гуляки и туристы, поглощающие огромные булочки с корицей. В «Спрэнгкуллене»¹ теперь университет, а не подпольный клуб. Единственный его приятель, который по-прежнему жил здесь, завязал с травкой и стал архитектором. А в «Хагабадет» теперь ходил только Мартин Берг и те, кто может заплатить тысячу семьсот в месяц за то, чтобы бегать на беговой дорожке. Поначалу он чувствовал себя голым дураком в тайтсах и футболке из синтетики, которая якобы отводит влагу (куда?). Его кроссовки были чистыми и новыми, потому что он никогда не ходил в них по улице. Он старался не думать о том, что по этому поводу сказала бы его двадцатипятилетнее «я». Но со временем он начал видеть в этом красоту. Всё это немногим отличалось от работы. Тут действовали те же принципы: ты прикладываешь определённое усилие — x . Оно генерирует определённый результат — y . Иногда y означает просто сохранение *status quo* — ты не набираешь вес, оборот предприятия не уменьшается. Превратить y в константу порой нелегко. Константа y — это уже неплохо. Для увеличения y нужно увеличивать x . Причём связь между ними отнюдь не прямая, что очень раздражает. Вне стен «Хагабадет» можно сколько угодно наращивать x , но никакого влияния на y это не окажет. А в спортзале связь между x и y более линейна. Тридцать минут на кросс-тренажёре напрямую влияют на твою физиологию. За этот факт можно держаться, поскольку во всех прочих аспектах существования такое встречается всё реже и реже.

А в конце ты всегда чувствуешь приятную усталость. И читаешь, пока в десять не возвращается сын, хлопая дверью и едва кивая. Ты достаточно устал, чтобы не ввязываться ни в какие

¹ «Спрэнгкуллен» — осн. в 1974 году, известный досуговый центр в Гётеборге, место встречи музыкантов.

дискуссии, ты просто мельком отмечаешь, что он разогрел в микроволновке лазанью и ушёл с ней к себе. Ты достаточно устал, чтобы погасить свет и уснуть. Достаточно устал, чтобы провалиться в наркотическую темноту, пока звонок будильника снова не извлечёт тебя на поверхность.

От холодного воздуха в голове у Мартина прояснилось. Ему всегда нравилось ходить пешком. Он всё время гулял по Парижу, пока не начал ориентироваться без карты, а по Гётеборгу наверняка намотал в общей сложности тысячи миль. Но несмотря на это, была одна улица, которую он предпочитал избегать.

Кастелльгатан находилась, собственно, в самом центре его маршрутов. Он каждый день проходил через площадь Йернторгет. Часто шёл по Линнейгатан и возвращался по Овре Хусар. Иногда он перемещался между этими улицами, скажем, по Рисосгатан или Майорсгатан, но на Кастелльгатан не попадал никогда. Так продолжалось больше десяти лет, с единственным ярчайшим исключением — когда он очутился у Сесилии в её старой однокомнатной квартире.

Это случилось довольно давно, он встречался с милой девушкой — графическим дизайнером, и она исправно брала его с собой на показы квартир, видимо, демонстрируя этим собственную независимость.

— Я собираюсь купить квартиру, — сообщила она однажды, и Мартин не понял, был ли в этом ещё какой-то подтекст. Так или иначе, у квартир всегда имелся какой-то изъян. То первый этаж, то кухня в тёмно-зелёном кафеле. То слишком дорогая, то слишком маленькая, то слишком новая. Пока она обсуждала с маклером замену стояка и ремонт балкона, Мартин блуждал по очередному жилищу, прибранному так, что складывалось впечатление, будто здесь живут понарошку, — и развлекался, пытаясь понять алгоритм этих показов.

В кухне всенепременно имелись свежие пряные травы в горшочках, с ценником на дне. На диване набор декоративных подушек. На полочке в ванной горела чайная свечка.

По сути, это всегда была бессмысленная трата времени, и, как следствие, он чуть было не отказался пойти именно на *тот* показ. Но он всё-таки пошёл, потому что одно «нет» потянуло бы за собой массу других «нет».

— Вот ты где! — воскликнула его подруга графический дизайнер — её звали Мимми, — встретив его на Скансторгет и быстро поцеловав в щеку. — Я только проверю номер.

Она копалась в своей сумке, а Мартин вдруг почувствовал спокойную уверенность. *Это будет номер 11.*

— Одиннадцатый! — сказала Мимми и потянула его за собой.

— С чего ты взял? Это же не один из тех домов, у которых проседает фундамент.

Они поднялись по винтовой лестнице, крутой, как панцирь улитки. На каждом из шести этажей было по три двери. Шанс один к восемнадцати. Пульс участился, когда Мартин словно издалека услышал голос Мимми:

— Похоже, это на самом верху.

Они поднялись на последнюю лестничную площадку. Дверь в квартиру Сесилии была распахнута. Её подпирала вывеска релторской фирмы и ведро с голубыми бахилами. На пороге появился молодой человек в костюме из полиэстера, протянул руку для рукопожатия, и пока Мимми обменивалась с ним дежурными фразами, Мартин вошёл внутрь.

В прихожей точечные светильники, вместо потёртого линолеума — напольная плитка. Мартин приоткрыл дверь в туалет и, разумеется, не увидел ни треснувшей раковины, ни висевшего на крючке портрета Хайле Селассие¹ в окружении львов. Белый кафель, и ничего больше. На кухонной столешнице блюдо с лаймами. Отполированный до блеска паркет и свежеккрашенные стены. На кровати гора декоративных подушек и длинный белый диван вдоль той стены, где стояли книжные стеллажи Сесилии. Но вид из окна — вид возвращал в прошлое. Жестяные крыши, дымоходы, Скансен Кронан², река и бащенные краны.

¹ Хайле Селассие — последний император Эфиопии, представитель династии потомков царя Соломона. Символом Соломоновой династии эфиопских правителей был Лев Иудеи, изображавшийся на государственном флаге с 1897 по 1974 год.

² Скансен Кронан — крепость XVII века в Гётеборге.